

Мэри Гуд

Алхимия
выбора

18+

Мэри Гуд
Алхимия выбора

«Автор»

2026

Гуд М.

Алхимия выбора / М. Гуд — «Автор», 2026

Медея Стрэйт мертва. Так сказал президенту государственный алхимик Кэрроу. Так написали газеты. Так считают те, кто охотится за её даром. Но она жива. И она вернулась в столицу — туда, где её ищут власти и где орудует «Сопrotивление». У неё есть план. Древнее преобразование, способное остановить Узника номер Шесть. Кэрроу должен помочь ей, рискуя всем. В Аронии больше нет правильных решений. Есть только выбор. И цена, которую придётся заплатить.

© Гуд М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Положение об алхимиках	5
Пролог	6
Акт первый	13
Акт второй	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мэри Гуд Алхимия выбора

Положение об алхимиках

Пролог

– ЦОГА дамы и господа, или Центральный Объединённый Город Аронии через пятнадцать минут, – объявил кондуктор доброжелательным, но усталым голосом.

Весь путь до столицы трое представителей закона провели в тишине. После того как Медея исчезла на станции Розбург, между оставшимися повисло странное, неловкое молчание, которое так и осталось с ними до конца поездки. Кевин Стоун читал газеты и время от времени громко перелистывал их страницы. Сандра Лэсли смотрела в окно. Государственный алхимик Константин Кэрроу всё так же притворился спящим, облокотившись на спинку и вытянув ноги в проход между двумя лавками, обитыми красным бархатом. Наконец путь близился к завершению. Когда кондуктор вышел в соседний вагон, Кэрроу открыл глаза и посмотрел на своих спутников.

Три долгих часа от Розбурга до ЦОГА он провёл в тягостных размышлениях. Однако, хоть это было и непросто, размышления привели к некоему результату. Теперь осталось обсудить его умозаключения с самыми близкими товарищами. От этого зависело многое.

– Команда, я хочу вам кое-что сказать...

Он запнулся на секунду. Кевин отложил газету (Кэрроу видел, что тот перечитывал её уже во второй раз, если не в третий) и уставился на командира. Лэсли тоже перевела на него свои внимательные голубые глаза.

– Точнее, не так, – Константин редко чувствовал себя неудобно перед ними, – у меня есть одна простая просьба.

В вагоне почти никого не осталось. Несколько пассажиров первого класса вышли на предыдущих станциях. Лишь одинокий старичок сидел в другом конце вагона и не мог их слышать.

– Я хочу, чтобы в отчётах вы написали, что Медея Стрэйт погибла под завалом на заброшенной фабрике в Сэттлбурге.

Кэрроу проговорил это совершенно ровным тоном. Теперь им решать. Лэсли сморгнула и смотрела на него непроницаемым взглядом ледяных глаз. Кевин прокашлялся.

– Я понимаю, – решил добавить алхимик, – это серьёзная просьба. Но я уверен, так будет правильно.

– Сэр, – голос Сандры был тихим, – вы хотите сфальсифицировать отчётность?

Кэрроу так и знал, она не станет молчать. Он нагнулся в проход, оперся локтями на колени и сцепил руки в замок.

– Один хрен, её никто в столице не знает. Пусть думают, что она погибла.

– Сокрытие информации, утаивание данных, сэр. Мне напомнить, какие правовые последствия за это ожидают?

– Лэсли, я...

– Мы все можем поплатиться за подобные решения, – она перебила, что делала крайне редко.

Константин подумал, что, пожалуй, Сандра перебила его впервые в жизни.

Она добавила:

– Этот приказ нерационален.

Кэрроу устало улыбнулся.

– Лэсли, это не приказ. Это просьба. Если сейчас вы откажете мне, то, окей, доложим всё как есть. Но я не хочу, чтобы она считалась дезертиром.

Девушка чуть поджала губы и взглянула на Кевина. Тот наконец взял слово:

– Мда, шеф... – он чуть подался вперёд и сказал тише, – Миди вообще-то хорошая девчонка. Не хотелось бы делать из неё преступницу.

Лэсли многозначительно посмотрела на Стоуна. «Не ожидала от тебя такого», – читалось в её взгляде.

– Она ведь меня спасла, Сандра, – добавил Кевин, словно оправдываясь, – я не против, шеф, умерла так умерла, – завершил он уверенно и посмотрел на Константина.

Кэрроу кивнул, чувствуя его поддержку, и добавил:

– Я ведь ей выбора не оставил. Не хочу жизнь ей портить.

– И готовы пожертвовать своей карьерой? Нашей?

Константин откинулся вновь на красную спинку сиденья:

– Если что-то вскроется, всё будет на моей совести. Скажу, что приказал вам.

Лэсли странно смотрела на него несколько долгих секунд. Потом хотела было что-то сказать, но остановилась и вновь взглянула в окно. За ним уже мелькали огни города, высокие дома и фонари экипажей на улице.

– Сэр, – наконец сказала она, – если вы считаете это правильным...

Девушка вновь обернулась к Константину. Хоть он и знал почти наверняка, что Сандра согласится, всё равно этот разговор заставил его понервничать.

– Я уверен, – кивнул он.

Поезд замедлился, подходя к вокзалу.

– Хорошо, сэр, – Сандра встала и сняла с крючка своё пальто.

Кэрроу хлопнул по плечу Кевина, и тот подмигнул ему. Потом алхимик встал и вытянул у Сандры из рук её одежду. Она вопросительно посмотрела на него, а он, накинув на неё пальто, произнёс:

– Спасибо, Лэсли, – Кэрроу чуть сжал её плечи через плотную ткань, – я знаю, что о многом прошу.

Сандра замерла, не в силах что-то ответить.

– Уважаемые пассажиры, наш поезд прибыл на Вокзал Центрального Объединённого Города Аронии. Местное время – одиннадцать часов вечера. Счастливого вам пути! – произнёс кондуктор, стоя в проходе и лучезарно улыбаясь.

***

Дорогая Лэсли,

Пишу тебе это письмо, потому что знаю, у тебя остались вопросы. Сандра, мы столько лет работаем вместе, ты всегда была рядом, я доверяю тебе больше, чем себе. Хочу, чтобы ты поняла меня и на этот раз.

Ты – Сандра Лэсли, дорогой мой стрелок, снайпер от бога, Винсент Вэро, наш шпион и человек с тысячей лиц, а также Кевин Стоун, наш Гора-Кевин, силач и душа компании – вы не просто мои подчиненные, вы – много больше. Однако, кажется, Медя тоже стала

частью моей жизни. Я плохо поступил с ней. Именно поэтому, я чувствую себя обязанным ей. Я напишу тебе все как было, в надежде, что тебе станут понятны мотивы моего поступка. Знаю, что заставляю всех рисковать карьерой. Знаю, что прошу о многом. Но я хочу, чтобы ты поняла, почему я попросил вас скрыть правду в наших отчетах.

В конце осени меня направили в Сэттлбург с целью разведать ситуацию с пропавшими людьми. В нескольких соседних городах происходило то же самое и начальство опасалось, что в беспокойном восточном округе появилось много незарегистрированных алхимиков, проводящих незаконные опыты. Направили не кого-то, а меня. Знаменитого цепного пса власти, освободившего столицу от преступности (но это не точно), уничтожившего лидера «сопротивления» и остановившего гос. переворот шесть лет назад (а вот это точно). Того, кто входит в личные покои президента и т.д. и т.п. Ну, ты в курсе, я о себе весьма высокого мнения и не безосновательно. Короче, послали меня, а значит дело серьезное. Опять-таки, мне поручили разведать, не пробудилось ли движение «сопротивление».

Я прибыл в Сэттлбург в тайне специально, чтобы спокойно разведать обстановку. Тогда, поздно вечером на кладбище, я обнаружил, что половина могил пусты, а значит в городе действительно творилось что-то неладное. Там встретил и Медею. Эта девушка вызывала подозрения. Когда наши руки соприкоснулись в первый раз, возникла реакция преобразования. Это заставило меня взять ее с собой в участок. Ты же знаешь, невозможно преобразовать что-то без алхимического круга. Я тоже это знал, но произошло нечто странное. То, что требовало проверки.

В участке я попробовал прикоснуться к ней ещё раз, но ничего не вышло. Девушка была самой обычной и не представляла более интереса для меня. Даже как свидетель она была бесполезна. Знала только последнюю пропавшую – Люси Лэтовой. Короче, я отпустил ее и уже не надеялся встретиться с ней вновь.

На следующий день я вступил в бой с Кайлом. Ты помнишь этого ублюдка? Я тогда впервые увидел настолько сильную химеру и, честно тебе скажу, он отделал меня по полной. Он был сильным, быстрым, с моментальной регенерацией. А я? Даже в боевых перчатках, исчерченных алхимическими кругами, я мог лишь ставить стены, да пронзать его молниями. Молнии всегда были моей сильной стороной, но он плевать хотел на них. Чертов чешиччатый... Остаток дня я пролежал в больнице, пытаюсь собрать осколки своих ребер воедино, как и осколки своей самоуверенности. Я упустил Кайла. Более того, я позволил ему убить свидетеля – мать Люси. К вечеру я вновь был на ногах и стал расспрашивать жителей Сэттлбурга, пытаюсь выведать хоть что-то о Кайле.

Тогда, в баре, мы встретились с Медеей во второй раз. Как она разговаривала со мной! Я видел презрение в ее глазах. Ненависть к госслужащим сквозила в каждой ее фразе. Я был для нее представителем всего, что она так презирала. Ее родители были военными врачами и погибли на службе. Она винила в этом власти. Их с братом бросили на произвол судьбы, лишили пособий, всего, ну в общем, ты сама знаешь, Медея ненавидела власть.

Несмотря на это, она помогла мне разговорить свидетеля. Представь, Лэсли, она ненавидела меня, но помогала, словно ей не стоило это ничего.

В том же баре нас застал вернувшийся Кайл. Я был слаб после всех повреждений, нанесенных им. Он почти отправил меня к праотцам. Именно Медея вернула меня к жизни. Именно в том баре она впервые использовала свой дар целителя.

Боже, Лэсли, как описать тебе то, что я почувствовал? Это невероятно. Мало того, что все раны исцелились за секунду, мое тело, все мое естество словно наполнилось энергией. Я чувствовал немислимую силу! Ты знаешь, по законам алхимии невозможно произвести преобразование без алхимического круга, но после прикосновения Медеи Стрэйт я мог делать всё! Эти круги, все эти формулы – это похоже на математику, но после прикосновения целителя, ты становишься настоящим творцом.

В общем, Кайла мы тогда повязали. В это время вы уже ехали к нам в Сэттлбург, а я, в поисках ответов, поехал в соседний Стоунбридж. Там мы с Медеей поговорили с моим старым другом Лоренцо. Ты уже знаешь, что «сопротивление» обработало его, он предал нас. В Стоунбридже Медея во второй раз спасла наши жизни.

Мы были окружены, я был без боевых перчаток, не мог сделать ничего, но она вновь прикоснулась ко мне, и я вновь почувствовал себя богом. (Ты улыбаешься сейчас? Я знаю, что да. Но все мужчины, порой, чувствуют себя богами, Лэсли. Прости меня за это).

После этого я понял, что эта девушка – настоящее сокровище. Мы вернулись и встретились с вами в Сэттлбурге. Ты помнишь, как было здорово? Я вот с удовольствием вспоминаю те несколько недель. Ты учила Миди стрелять, Кевин обучал ее рукопашному бою, мы с ней пытались изведать все грани ее дара.

Именно тогда я пообещал ей, что, если она будет на моей стороне, я не сдам ее властям. Все, о чем просила Медея – никогда не работать на армию, и я убедил ее в том, что этого не случится. Но я ведь знал, Лэсли, я знал, что невозможно скрывать ее вечно.

Мне казалось, я смогу уговорить ее потом. Мне казалось, я все делаю верно. Я всегда ставил карьеру на первое место. Иметь целителя в моей команде – это было бы настоящим подарком судьбы.

Тогда пришло злополучное письмо из столицы. У нашего президента куча шпионов, и он, конечно же, прознал о ней. Мне было приказано завербовать Стрэйт любыми методами.

Потом ее похитило «сопротивление». Сколько мы искали ее? Дней семь? Не могу представить, что она пережила в их плену. Этот узник номер Шесть, новый лидер, сбежавший из гос. лаборатории алхимик, способный преобразовывать без круга, невероятно опасен и силен. Создатель уникальных, почти неуязвимых химер Кайла и Дэвида. Ослеплен жаждой мщения. Не знаю, что за зуб у него на президента, но он умело раскачивает ситуацию в стране в свою пользу.

Медея рассказывала про то, что он делал. Она ведь и тебе рассказала, как он ставил опыты над людьми? Жертвовал ими. Чертов равноценный обмен. Знаешь, кого он создал? Он произвел преобразование человека. Воскресил ее мертвого брата.

Когда мы нашли их, в том здании старого склада, когда я увидел ее, она была сама не своя. А рядом стояла кукла ее брата. Узник номер Шесть талантливый, умело играет на чувствах людей.

Помню, он жег меня своим пламенем. Я подумал, на секунду, что Медея оставит меня. Кто я ей? Ведь перед ней стоял вновь ее умерший брат. Но нет, она снова спасла меня. А потом она спасла и Кевина, ты ведь помнишь? В который раз она спасала мою жизнь? Кажется, я отдал ей лишь один долг. А сам сколько задолжал?

Лэсли, мы не смогли тогда задержать Шестого, Кайл тоже сбежал вместе с ним. Это операция, за нее мне ещё влетит от начальства, это же полный провал. Но внутренне я ликовал: вся моя команда была цела и невредима. И с нами теперь была целительница.

Помнишь мы сели в поезд и поехали в ЦОГА? Помнишь, какая она была счастливая? А теперь, Лэсли, вспомни, каким взглядом она посмотрела на меня, когда прочитала письмо. То чертово письмо, в котором нашла приказ о зачислении ее на должность в армию Аронии. Она смотрела на меня, как на предателя. По сути, так и было.

И даже тогда я думал, что смогу убедить ее. Ты помнишь станцию Розбурга? Мне кажется, она сама не планировала сбежать. Однако, она вышла на перрон и не вернулась. Когда поезд тронулся, а я не обнаружил ее в вагоне, то понял. Осознал, что не могу решать за всех. Карьера – смысл моей жизни, я выполняю приказы, я верен данной присяге, моя жизнь – это служба. Так было всегда. Как и у тебя, как у Кевина и Винсента. Но Медея. Она не хотела этого.

Поэтому, Лэсли, поэтому я попросил вас сказать, что она мертва. Я просто хотел, чтобы власти оставили ее в покое. Эта девчонка делала только хорошее. Все, чего она хотела – лечить людей.

Когда мы подъехали к ЦОГА я попросил вас поддержать мою ложь. Безмерно благодарен, что ты согласилась.

В мире у меня больше нет никого, только вы. Я рад, что мы на одной стороне. А Медея? Она ищет свою дорогу, и я надеюсь, она найдет ее. Она достойна лучшего.

Лэсли, не отвечай на это письмо, прочти и сожги. Я почему-то уверен, что все сделал правильно.

Увидимся завтра, как всегда, дверь моего офиса напротив твоей.

Твой преданный соратник,

Государственный алхимик,

Константин Кэрроу.

Акт первый

Личные покои президента располагались в главном здании правительства – в самом сердце ЦОГА. Микаэлис Мэдлтон буквально и фигурально жил своей работой: его кабинет, просторный, с массивным столом из чёрного дерева, примыкал к жилым комнатам.

Эти помещения занимали центр здания – самое защищённое место во всей стране. Само строение являло собой неприступную крепость: толстые стены, минимум уязвимых точек, многоуровневая система охраны.

Приёмная была большой и светлой комнатой с высокими окнами за бордовыми, тяжёлыми занавесками. За столом сидела секретарь, а рядом стояла совсем молоденькая девушка – стажер.

Секретарь инструктировала ее по должностным обязанностям и пыталась ввести в курс дела. Скоро Эмили, служившая личным секретарем президента более пяти лет, должна была оставить пост. Она выходила замуж. Девушка-стажер, все время, когда не задавала вопросы, связанные с работой, изучала кольцо Эмили и обсуждала предстоящий брак.

– Вы же выходите за генерала? – говорила она, – почему не бриллиант на пальце?

Эмили хмыкнула.

– Что ты понимаешь?

Девушка залилась краской.

– Простите, я вечно болтаю лишнее.

Эмили чуть смягчилась. В конце концов, девушка прошла непростой отбор, чтобы попасть на это место. Да и в целом, она ей нравилась.

– Это раританиум, слышала о таком материале?

Глаза стажерки увеличились:

– Раританиум, что добывают в единственной шахте на западе?

Эмили кивнула:

– Он намного ценнее бриллиантов.

– Вот это да, – девушка так и припала к руке Эмили, – можно потрогать?

– Нет, – ответила она, – плохая примета.

– Из этого материала создают ошейники Коэна, ведь так? – стажерка продолжала изучать кольцо на ее пальце.

– Именно. Они очень редки, сама понимаешь, потому что и металл редкий.

– Да, у нас был урок по реликтам Аронии. Ошейник Коэна не позволяет алхимику использовать силу, производить преобразования.

– Неплохо. – девушка чуть улыбнулась, – Рада, что ты знаешь это.

Эмили взяла папку со списком встреч президента на сегодня:

– Так, хватит о пустяках. Я должна отойти, подписать несколько бумаг, ты остаешься в приемной.

– Что? – стажерка побледнела.

– Надо когда-то начинать, – ответила Эмили, – ничего, справишься, меня не будет около двух часов.

Эмили встала из-за стола и усадила в кресло бледную как смерть девушку.

– А если сам Мэдлтон что-то скажет мне?

– То выполнишь его приказ, – ответила Эмили, – он не выйдет, не переживай. Зато в приемную будут заходить генералы и министры, видишь, в расписании встреча в десять? Пусть они все ожидают тут. Никого не впускай раньше десяти. Единственное – должен прийти Константин Кэрроу. Вот его как раз надо пустить до встречи. У него личная аудиенция с Мэдлтоном.

– Кэрроу? – девушка смотрела в папку с расписанием, – Тот самый?

– Ага, как он зайдет, проводи его к президенту.

– Но как я его узнаю?

– Ты что, газет не читала? Его фотки там постоянно, – Эмили выпучила глаза на стажерку.

– Черт... – девушка побледнела еще больше.

– Так, ладно. Узнать его не сложно, – Эмили уже брала папки с нужными ей документами и попутно поприветствовала вошедшего в приемную министра внутренних дел. До собрания оставалось около получаса.

– Широкоплеч, высок, бледен, волосы черные, как и его вечный черный плащ. Ну и взгляд, внимательный и самоуверенный, как у всех алхимиков.

– Хм... – девушка нахмурилась.

– Что еще? – Эмили призадумалась, — У него слева, – девушка провела пальцем от собственного глаза вниз до подбородка, – вот такой белый шрам.

Стажерка смотрела на нее во все глаза.

– Знаешь, как его прозвали за этот шрам на заре карьеры? – заговорщицки спросила Эмили.

Стажерка отрицательно покачала головой.

– Плачущий. Потому что след похож на след от высохшей слезы. У меня все холодеет, когда его вижу.

– Кошмар какой...

– Только тсс, – добавила Эмили, – никогда не упоминай это прозвище. Он его ненавидел. А после того, как прославился... В общем, теперь никто не смеет его так называть.

В этот момент дверь открылась и в приемную вошел Кэрроу собственной персоной.

– Легко на помине... – тихо произнесла Эмили, потом натянула официальную улыбку и повернулась к алхимику.

Спустя несколько мгновений Константин уже сидел, ожидая приглашения в святая святых и вспоминая схему туннелей. Кэрроу входил в узкий круг людей, знавших о секретной сети туннелей, ведущих в центр здания. Эти подземные ходы были страховкой президента: по ним он мог незаметно покинуть резиденцию и выйти в одной из трех, никак не связанных между собой точках города.

Мэдлтон распорядился проложить туннели на заре своего правления – более двадцати лет назад. Кэрроу узнал о них вскоре после получения допуска к первому уровню секретности. Узнал и выучил наизусть их схемы.

Алхимик ожидал приглашения, сидя на стуле у окна. Он видел краем глаза, как его рассматривали девушки. Сегодня вместе с секретарем была и новенькая. «Наверно, замена Эмили» – подумал он.

С личным секретарем президента он встречался много раз, и она всегда была спокойно-индифферентной, занятой лишь своими бумагами. Однако сегодня ожог на его лице вывел её из состояния обычной невозмутимости. Сперва он увидел её расширившиеся глаза. Потом Кэрроу уловил её сочувствующий вздох, но она промолчала. «И правильно, – одобритительно подумал Константин, – нечего языком трепать. Не на её должности».

Наконец дверь отворилась. Кэрроу прошел внутрь. В отличие от приемной, в самом кабинете царил полумрак. Окон не было вовсе — кабинет находился в самом центре здания. Идеально в плане безопасности.

Микаэлис Мэдлтон обладал резким, почти геометрически выверенным лицом: ни следа мягких линий, лишь грани и углы. Пронзительный взгляд, холодный и оценивающий, всегда словно прощупывал собеседника насквозь. Его осанка, каждое движение выдавало непоколебимую уверенность человека, привыкшего повелевать.

Когда он поприветствовал алхимика, голос прозвучал как удар хлыста: резкий, с жесткой артикуляцией каждого слога.

Кэрроу не впервые стоял перед президентом. Он хорошо знал: большинство людей в присутствии Мэдлтона непроизвольно понижали голос, сутулились, словно пытаясь стать меньше.

Но только не он. С самой первой встречи не давал слабину, зная, что каждое слово и жест его имеют вес. Это была тонкая игра: показать уважение к статусу, но не к личности. Константин поступил на службу юнцом, а сейчас ему стукнуло тридцать. Он неплохо освоил эту игру.

Алхимик прекрасно понимал: Мэдлтон – хищник, признающий лишь силу. Он требует покорности, но ценит тех, кто способен держать удар. В его мире слабость – участь рабов. И Кэрроу намеренно демонстрировал смелость. Не как вызов, а как знак равенства.

Он отчитался о произошедшем в Сэттлбурге. Все было подробно изложено в отчете, но он знал, что все равно последует личный разговор. Кэрроу прекрасно знал, что заинтересует президента. Узник номер Шесть.

Мэдлтон отметил тот факт, что «сопротивление» не было уничтожено до конца, с неудовлетворением и намеком на то, что в этом вина лично Кэрроу. Алхимик внимательно взглянул на него и вдруг увидел то, что видел не часто. Неужели страх был в глазах президента? Мэдлтон подробнее расспросил о химерах Кайле и Дэвиде и еще подробнее о том, как выглядел Шестой и на что он был способен. Порадовать президента Константин не мог.

Кэрроу показалось, что Мэдлтону известно больше, чем то, что было в секретных файлах. Он попытался спросить, известно ли что-то, что может помочь делу, но тот ответил, что все данные, которыми владеет Кэрроу, являются полными.

Это было не так, Константин чувствовал кожей, что президент о чем-то умалчивает. Но президентский приказ не изменился – Константин продолжает свое расследование.

– Есть, сэр. Я и моя команда продолжаем работу.

– А вот по команде, – послышался голос из темного угла.

Кэрроу почувствовал, что там кто-то есть, почти сразу как вошел. Это не удивило его. Еще меньше удивило то, кто именно стоял, спрятавшись во тьме. Генерал Сардана. Правая рука Мэдлтона.

– По команде, Кэрроу, как же ты мог потерять целителя?

Константин кивнул генералу и с неудовлетворением отметил, что его собственное сердце чуть сбилось с привычного такта. Самое сложное. Пока он ехал до централа, пока писал отчеты, пока готовился к этому разговору, сто раз прорепетировал, что и главное, как, с какой интонацией, ответит. Однако, когда дело дошло до дела, сердце все равно замерло. Мэдлтон обладал невероятной проницательностью, а теперь Кэрроу предстояло соврать так, чтобы ему поверили.

– Мисс Стрэйт, к сожалению, погибла. Как только вышел указ о ее зачислении на службу, она была похищена Кайлом. Находилась в плену у сопротивления, так же, как и пропавшая ранее Люси Лэтовей. При нашей зачистке мы смогли освободить только Лэтовей, не Стрэйт.

Мэдлтон прожигал алхимика взглядом. Кэрроу держался и смотрел открыто, зная, что отведи он глаза хоть на секунду, тот заподозрит неладное. Он сам сейчас верил в то, что говорил. Он действительно ее потерял.

– Мы это всё, итак, читали в твоём отчете, Кэрроу, – голос Сарданы звенел от недовольства, – я не о том спрашиваю. Как ты мог потерять такого важного человека, едва его завербовал?

Кэрроу и Мэдлтон не отрывали взгляд друг от друга.

– Виноват, сэр, – ответил он, не сводя глаз с Мэдлтона, – Целитель не умела пользоваться своими силами и передала слишком много энергии, пытаясь вылечить меня и Стоуна.

– Не ожидал... Ты никогда нас не разочаровывал, – Сардана всплеснул руками, а Мэдлтон все молчал.

– Возможно, генерал, – Кэрроу наконец перевел взгляд на Сардану, решив перейти из оборонительной позиции в наступательную, – если бы вы не спешили призвать ее на службу, а дали бы больше времени, этого бы не произошло. Целитель не успела научиться контролировать свою силу.

Сардана вспыхнул и стал что-то отвечать, но тут Мэдлтон встал со своего места, и генерал замолчал.

– Константин Кэрроу, – он многозначительно помолчал, держа почти театральную паузу. Кэрроу оставалось лишь ждать. Наконец, президент продолжил:

– Эта операция не войдет в число твоих удач. Однако, ты верный человек. Я знаю тебя давно.

Это было правдой. Президент правил уже больше двух десятков лет. Он лично принимал присягу Кэрроу после института.

– Ты знаешь об узнике номер Шесть больше, чем кто-либо. Работай дальше, – договорил он.

– Да, сэр, – кивнул Константин.

Хотя бы так. Хотя бы это он сделал для нее. Никто здесь не знал, как она выглядит. Кэрроу решил, что должен ей. Стоун и Лэсли его поддержали. Так, у нее хотя бы будет шанс затеряться среди толпы. Она не глупая. Увидит в газетах статьи о своей смерти и все поймет. Кэрроу позаботился о том, чтобы хроники всех газет страны упомянули об этом на своих страницах.

Мэдлтон тем временем подошел к алхимику и внимательно изучал его лицо.

– Не хило тебя потрепало, – сказал он наконец, – Это пламя Шестого?

– Да, сэр.

– Знаю, какого это.

Кэрроу показалась эта фраза странной.

– У сопротивления нет шансов, господин президент. Мы их задавим, – отчеканил Сардана.

– Ты свободен, Кэрроу, – сказал президент, опять повернувшись к Константину.

Алхимик кивнул и направился к выходу.

– Не переживай из-за ожога, – кинул вдогонку Сардана, – тебе даже идет.

Кэрроу чуть замедлился.

– И не думал переживать, генерал.

– Но, будь там я и мои люди, мы бы не выпустили Шестого так просто.

А вот это задело. «Ах ты ж, паскуда, – пронеслось в голове, – да последние десять лет ты сражения видел лишь в планах, да на картах. Гребанный личный подхалим».

– Может в следующий раз вам удастся быть в нужном месте в нужное время, – добавил Кэрроу уже выходя за дверь.

Константин вернулся к работе в ЦОГА. Спустя пару недель он узнал о том, что президент едет с комиссией по областным центрам.

Следующие два долгих зимних месяца Кэрроу много работал и еще больше размышлял. Именно его доклад спровоцировал президента на все те меры, которые сейчас алхимик имел неудовольствие наблюдать. Кэрроу понимал, что, если бы на его месте был кто-то другой, это не поменяло бы суть дела. Однако, ему было неприятно осознавать, что именно он принес плохие вести.

После их разговора президент стал подозрительным без меры, стал еще более недоверчивым ко всем вокруг.

Будучи допущенным к секретному уровню, он изучал отчеты о том, как именно проходила поездка президента. Константин думал, что военное положение, присутствие армии во

всех областях, блокпосты на дорогах, цензура – все ответные меры, принятые государством, не приведут к подавлению сопротивления. Все это только подпитывает ненависть граждан. Так и случилось. Страну раскачивало все сильнее.

Этой зимой Кэрроу несколько раз вступал в словесные перепалки с оставшимися в ЦОГА генералами и руководством полиции. Он видел, насколько часто представители армии стали злоупотреблять своим положением. Именно в это время у него появились первые сомнения насчёт совместимости его взглядов с армейским уставом.

К концу зимы он был мрачнее тучи. Стал чаще ругаться со всеми подряд. Перестал высказывать свое несогласие с некоторыми принятыми мерами. Раньше ему казалось, что Мэдлтон ценит дельный совет. Казалось даже, что он прислушивается к Константину. Наивные иллюзии. Знай свое место, выполняй приказы, а не оспаривай их. Именно это он читал между строк.

Сила переставала опираться на закон. К концу зимы про Кэрроу стали говорить всё больше и всё хуже. Он получил выговор от Главного Представителя Алхимиков. В странном состоянии Кэрроу покинул его кабинет. Еще полгода назад он и не думал, что подобное произойдёт с ним. Что именно в его адрес будут звучать подобные слова: «оспаривает выбранной курс политики», «задает вопросы», «выражает несогласие».

Пришлось остудить пыл. Кэрроу постоянно чувствовал неудовлетворение. Радовал лишь тот факт, что Винсент Вэро успешно вливался все глубже в «сопротивление» и стабильно передавал послания. Сандра и Кевин были заняты изучением положения сил в стране.

***

Арония, помимо центральной части, где располагается ЦОГА, разделена на четыре округа. Её опутывает густая сеть железных дорог: поезда мчат сквозь поля, связывая провинции и крупные областные центры. В городах побольше по дорогам течет нескончаемый поток экипажей: конки и электрические трамваи, omnibusы и частные извозчики; на реках – паро-

ходы. На улицах всё чаще мелькают велосипеды, а в столице и областных центрах – первые автомобили, выделяющиеся шумом и эпатажностью среди экипажей.

Это страна контрастов: в провинции старина сплетается с новым, в городах – элегантные кафе соседствуют с дымящими фабриками. Республиканские идеалы сталкиваются с имперскими амбициями.

Именно на западе находился всю зиму Винсент Вэро. Областной центральный город западного округа — Дискаполь. Этот город известен своими горными шахтами. Наравне с глубокими, бесконечными копиями, он славится на всю Аронию тем, что является самым brutальным городом смелых и сильных мужчин. Души суровых жителей Дискаполя закалены тьмой глубин и жаром земных недр. Там, в глубинах, куда не проникает свет, а воздух пропитан пылью веков, там исчезает страх и сомнения. На место им приходит уверенность, стойкость и сплоченность с товарищами.

Жители этого города плечом к плечу стоят друг за друга. Именно в этом городе сейчас находился президент Микаэлис Мэдлтон и его правая рука – генерал Сардана.

Комиссия уже побывала в двух областных центрах. Первый город, который они посетили, Анатоли, находился на востоке. Решено было начать с самой беспокойной зоны. Чуть больше месяца восточный округ, а точнее представители власти и полиции восточного округа, стояли на ушах, пытаясь не разочаровать своего. Следующим округом оказался северный. В нем было, как и ожидалось, намного больше порядка. За пару недель комиссия успела сделать все, что необходимо, и сейчас настал черед запада.

Полиция Дисаполя заранее стала проводить все необходимые меры, пытаясь подготовиться к приезду президента как можно лучше. Стоит ли говорить, что за этот месяц жители города вкусили всю горечь притеснений сполна

Президент Мэдлтон, представитель государственных алхимиков, и генерал Сардана, командующий внутренними войсками, расширили полномочия силовиков. Дороги были усеяны блокпостами. Те округа, в которых уже была комиссия, были нашпигованы солдатами армии Аронии. Допросы и обыски без санкции во всех местах, где бывала инспекция, стали неотъемлемой частью жизни жителей. Массовые аресты по подозрению в шпионаже, по подозрению в сотрудничестве с «сопротивлением» стали обыденным фоном за прошедший месяц. Строгая цензура местных газет, вкупе с постоянным злоупотреблением полицией должностными обязанностями распалили искры народного волнения.

Все эти действия побуждали многих жителей сочувствовать сопротивлению, а иногда и присоединиться к нему.

Именно в этом городе и действовал под прикрытием Вэро. Он успешно влился в ряды сопротивления. Устроив в начале своей деятельности несколько мелких диверсий, таких как поджог полицейских участков и порча оборудования на складах, он быстро заслужил доверие соратников, а недавно и повышение. Его сделали главным в ячейке этого города. Причиной столь быстрого возвышения Винсента по карьерной лестнице сопротивления являлось то, что за последнюю неделю полиция арестовала двоих членов их ячейки, включая прошлого лидера.

«Сопротивление» соблюдало жесткую иерархию. Автономные ячейки, состоявшие в основном из четырех, максимум семи человек, присутствовали теперь почти во всех мало мальски крупных городах охваченной волнениями страны.

Винсент имел в подчинении троих парней, один из которых и привел своего брата в качестве новобранца. Винсент, известный как Лерой в рядах сопротивления, проводил сегодня с новобранцем что-то вроде беседы.

У новобранца Дэнни уже был вотум доверия, потому что его старший брат, Эд, бывший в ячейке больше полугода, пользовался хорошей славой. Хоть брат Дэнни и был шахтером, сам Дэнни работал врачом в главном госпитале города. Именно поэтому Винсенту показалось странным его желание присоединиться к сопротивлению. Все-таки врачи были образованными людьми, обычно мирными, ценящими жизнь. Что же могло побудить Дэнни к такому шагу?

Именно это он намеревался выяснить сегодня. Они сидели за столом в баре, где часто собиралась их ячейка. Бар был на самой окраине города, назывался «Берлога» и славился тем, что все его посетители были в известной мере вольнодумцами. Много раз полиция наведывалась в «Берлогу» и пыталась закрыть ее, но руководил баром один из богатейших людей города. Человек он был весьма необычный, яркий, смелый, поэтому не боялся идти против общепринятых порядков. После введения военного положения на него давили очень сильно, но он все еще пытался сопротивляться. Откупался. Пока его деньги сохраняли бар от закрытия.

Винсент изучал человека, сидящего напротив него. Дэнни, в отличие от своего старшего брата Эда, был маленьким, худым, почти щуплым человеком с очками на лице.

Так зачем же он здесь, почему хочет присоединиться, задал Винсент вопрос, на который так хотел получить ответ.

– Наша страна уже не является республикой, – отвечал Дэнни, – это какая-то монархия...

Парень замолчал, и Винсент кивнул:

– Продолжай.

– Власть Мэдлтона не ограничена ничем. Последнее время я чувствую, что президент превратился в тирана.

– Понятно... – протянул Винсент.

Будучи под прикрытием, он играл очередную роль, вживался в нее полностью. Вэро менял не только внешность, но и манеру речи, акцент, походку, поведение. Он придумывал

историю и, будучи на задании, практически сам верил в нее. В сопротивлении он был харизматичным, веселым парнем, но со стальными нервами, готовым пожертвовать всем ради благой цели. Он маневрировал между серьезностью и образом «своего парня», позволяющего стать им не только командиром, но и другом. А иначе, как они будут ему доверять? А иначе, как ему достичь своих целей? Он знал, от его деятельности зависит вся команда и он не мог подвести Кэрроу.

Винсент расспросил Дэнни о друзьях и семье. Ничего. Одинок, живет работой. Старший брат, вот и вся его семья. И Эд ручался за него.

– Все-таки, – говорил Винсент, – ты понимаешь, что Сопротивление незаконно и вполне опасно. Точно готов на это?

Рядом сидел его брат и многозначительно, очень серьезно смотрел на Дэнни.

— То, что я вижу вокруг, что творят власти, это переходит все границы. Я действительно хочу помочь вам, я осознал, наконец, что Эд был прав.

– Ну, хорошо, – протянул Вэро и оглядел своих ребят за столом, – Мы всегда рады новым бойцам в наших рядах. – Винсент заметил, как те кивнули в знак согласия, – На следующее задание ты идешь с нами. Там и проверим, на что ты годен.

Брат одобрительно хлопнул Дэнни по плечу, отчего тот почти слетел со стула.

– Кстати, босс, что за задание? – спросил Эд.

Вэро огляделся, в баре было немногочисленно. Они сидели за самым крайним столиком, и никто не мог их услышать.

– Вы все знаете, что президент покидает на днях наш западный округ и едет в южный. Мне стало известно, что в здании правительства города остался один важный документ. По сути, это копия документа, которую сделал человек, сочувствующий нашему сопротивлению, желающий поддержать нас. – Винсент сделал паузу, – Этот документ является планом посещения Мэдлтоном последней Южной провинции, – он многозначительно обвел взглядом мужчин за столом, – Сечёте, о чем я?

Парни переглянулись, а Дэнни переспросил:

– Хочешь сказать, в этом плане есть расписание его встреч или, возможно, даже места, где он собирается остановиться?

– Именно, Дэнни. Зная его расписание, сопротивление может спланировать атаку. Мы попробуем в здание правительства сегодня ночью и выкрадем этот документ.

Они обговаривали детали плана следующие несколько часов. Вэро давно пытался выйти на узника номер Шесть, но тот был словно тень. Он отдавал приказы через сеть шпионов и связных, через закодированные послания, через тайники. Однако Вэро необходимо было подбраться ближе к нему, стать не просто лидером одной из ячеек, а стать его личным помощником. Этого ожидал Кэрроу. Этого он и сам ожидал от себя.

Узник номер Шесть все время переезжал из города в город, обычно в сопровождении Кайла. Вэро было известно и то, что его старший сын Дэвид обитал с недавнего времени где-то в восточном округе. Узник номер Шесть мало кому доверял, и Вэро решил, что необходимо выслужиться перед ним.

Так и появился этот план. Вэро, используя ту информацию, что дал ему Константин, знал, что план посещения действительно находился в здании правительства. Почему бы не использовать этот шанс? Спланировав все, Винсент оставил сообщение Кэрроу о том, что готовит.

Остаток вечера члены ячейки провели в «Берлоге». Они не стали расходиться, ведь медлить было нельзя. Решено было выкрасть план незамедлительно – сегодня ночью.

Пока убивали время в ожидании, Винсент услышал множество баек, сдобренных особенным мрачным чувством юмора шахтеров. Как ни странно, Дэнни, несмотря на то, что так разительно отличался от суровых работяг, окружавших его, отлично влился в компанию. Он рассказывал забавные случаи со своей работы, и было их не мало.

Незаметно время перевалило за полночь. Перед тем, как все покинули бар, Дэнни вдруг побледнел. Когда его брат первым вышел из «Берлоги», он, заметив взгляд Вэро, тихо произнес, словно извиняясь:

– Братишка всегда был не самого высокого мнения о моих способностях, не считая врачебных.

Винсент видел, что Дэнни переживает:

– Эд говорил о тебе как о человеке проникательном и не глупом, а главное – верном. Большого нам и не нужно.

Лицо Дэнни немного расслабилось:

– Знаю, вы не таких тут людей ожидаете. Я обычный врач, ведущий скучную жизнь...

– А я думаю, что ты слишком талантлив для скучной жизни. Согласен?

Один из оставшихся парней за столом произнес:

– Кстати, на счет талантов. Лэрой, а забацай что-нибудь в честь Дэнни?

Вэро часто радовал их небольшими веселыми стишками, которые сочинял на ходу. Ему это было не сложно, и так он располагал их к себе ещё больше, потому что парням нравилось.

– Пора идти, – пробурчал он нарочито строго, а потом добавил, вставая:

– Казалась жизнь скучной в белом халате,

Долю повстанца Дэнни подайте,

Да, лекарь нам нужен: всем раздать обезбол!

Раненым – йод и везенья укол.

Дэнни наконец улыбнулся.

– Про укол везенья ничего не знаю, но с йодом помочь всегда смогу.

– А достать спирта можешь помочь? – заинтересованно спросил один из парней.

– Спирт – вещь нынче дефицитная... Я, как хирург со стажем, могу помочь только избавиться от спирта. Это к алхимикам надо – они субстанции преобразовывают.

Они вышли из бара в темноту прохладных и пустых улиц спящего города.

Еще в баре они в деталях обсудили планы, обсудили и то, как будут отступать в случае, если полиция их засечет. Вэро не знал, как именно их встретят стены здания правительства.

Но им легко удалось проникнуть внутрь. Единственным препятствием оказался местный охранник, который знал Винсента. Вэро велел парням ждать и направился к нему. «Почти наверняка сможем обойтись без лишней крови» – думал Винс. Охранник устало оглядел одинокую фигуру Винсента и пробормотал:

– Посторонним вход воспрещен, ты же в курсе. Да и её здесь нет.

– Слушай, – сказал Вэро, подходя поближе, – выглядишь премерзко. Курить небось хочешь?

– Моё дело – выполнять, что скажут.

– Ну а мое – подмечать детали. Ты белый как полотно, на лбу испарина, а руки постоянно теребят край одежды. Средний и указательный палец слегка сведены вместе, словно зажимают невидимый предмет. Но и без всего этого я хорошо знаю, как ты любишь покурить. Мечтаешь о сигарете, я прав?

Охранник кивнул, Винсент достал пачку сигарет.

– Держи. Давай так: ты сходишь на перекур, а я за тебя покараулю. Идет?
Охранник сглотнул и спустя секунду схватил вожака пачку.

– Только с поста – никуда. Я быстро.

– Не торопись. Ты же меня знаешь, – улыбнулся Вэро.

Тех десяти минут, пока охранник курил в стороне от главного входа в здание правительства, вполне хватило, чтобы все четверо проникли внутрь и также быстро вышли.

Тот факт, что в здании был лишь один охранник не показался Винсенту странным: им позволили выкрасть эти планы.

На следующий день Вэро передал Шестому через связных копии планов. Он ожидал реакции с нетерпением, но в течение пяти дней стояла удручающая тишина. Тайники были пусты, никаких посланий от узника номер Шесть не последовало. «Неужели и в этот раз не удалось?», – размышлял он.

На шестой день его тягостное ожидание было вознаграждено. Сам узник номер Шесть прибыл в «Берлогу». Они встретились в подвале бара.

Их первая встреча вышла несколько сумбурной. Зайдя в комнату, в полумраке Винсент увидел человека за столом. Человек был старше сорока, невысокий и очень худой, с сетью морщин вокруг темных глаз. Волосы его были распущены, темными волнами спадали на плечи, в них серебрилась седина. Неужели это сам узник номер Шесть? Рядом с ним покачивался на задних ножках стула молодой светловолосый паренек с совершенно безмятежным и неподходящим к обстановке весёлым видом. Вэро понял – это тот самый Кайл. Сев, под их молчаливые взгляды, за столик, Винсент тоже решил молчать. Подстраивайся, не спеши, импровизируй.

Темноволосый мужчина прищурил карие глаза, а потом произнес, взглянув на дверь:

– Вы что за парнишку мне притащили, где Лерой?

– Так это я, – ответил Вэро. – Я – Лерой.

Кайл усмехнулся:

– Божечки... Да ты как... Пол-Лероя! Не так я тебя представлял.

– Ожидали кого-то покрупнее? – спросил Вэро.

– И постарше, – узник номер Шесть изучал его, – ты выглядишь так, будто только что сбежал из школы.

– Внешность обманчива. Я тоже вас себе не так представлял, узник номер Шесть. Так глупо звучит, как в романе. Как к вам обращаться-то по-человечески?

– Зови меня Шестой.

Винсент кивнул, откинулся на стул и перевел взгляд на качающегося блондина:

– А ты, Кайл? Я тебя сразу узнал.

Кайл с грохотом вернул все четыре ножки стула на землю.

– И как? Неужто по описанию «тот псих в чешуе»?

– Ну..., – Вэро выглядел совершенно спокойно, – Во-первых, чешуи я не вижу, а во-вторых, твоя физиономия на всех перекрестках расклеена. Но художник рисовал спиртовыми красками, не иначе. В жизни ты выглядишь куда как приличнее.

Кайл оскалится, а Шестой медленно и очень тихо проговорил, прожигая Вэро взглядом:

– А ты выглядишь так, словно знаешь что-то, чего не знаю я. Это приятно удивляет. И настораживает.

– Правильно, правильно. Мой девиз – всегда на стороже. Если ко мне есть еще вопросы, то пожалуйста, с удовольствием отвечу.

– Ладно, – Шестой положил обе руки на стол, продолжая пристально рассматривать Винсента, – как ты выкрал планы?

Винсент спокойно ответил:

– У меня свой человек в правительстве.

– Кто же?

– Секретарша мэра... У нас были тесные дипломатические отношения.

Кайл присвистнул, а Шестой чуть улыбнулся:

– Её ещё не арестовали за совращение малолетних?

– Кажется, мы уже обсудили то, что внешность обманчива, – Вэро не отрывал глаз от Шестого.

Бармен принес им выпить. Они говорили, и Вэро отвечал на все их вопросы так же гладко, как извозчик врет седоку, что дорога короче если проехать через трактир. Вскоре напряжение между ними заметно спало. «Лед тронулся, но в такой водичке еще не покупаешься» – подумал Вэро.

Там же, в душном подвале «Берлоги», Шестой сообщил, что добытые документы позволили спланировать покушение на президента. В центральном городе южного округа, Нотосбурге, глава страны устроит тайную встречу с высшими чиновниками. Именно на этой встрече Шестой намеревался уничтожить Мэдлтона. План был прост: заранее проникнуть на закрытое собрание и убить президента.

– Любишь оперу, Лерой? – спросил Кайл у Винсента.

– Обожаю, – ответил Винсент, зная, что встреча президента будет проходить в старом здании оперы на берегу моря.

– Это здание – прекрасно подходит для того, чтобы установить там ловушку, – произнес узник номер Шесть, – мы отправимся туда втроем. Так мы минимизируем тех, кто в курсе, да и большое количество людей нам не нужно.

– Я иду с вами? – Вэро не верил своей удаче.

Шестой кивнул:

– Любишься так, словно тебе бесплатную выпивку обещают.

– Опасность – лишь способ испытать себя, – ответил Винсент, – и тех, кто рядом.

– Тушэ. *Ut salus, ita periculum*, одно не существует без другого, «где спасение, там и опасность».

– Я оправдаю ваше доверие, – добавил серьезно Винс.

На это узник номер Шесть приподнял кружку и произнес:

– Лучше поверить врагу, чем отвернуться от друга.

Вэро это устраивало. Он рядом с ними, и он ведет их в ловушку. Если это не успех, то пол успеха.

Винсент, помимо прочего, вынес из этой встречи информацию о том, что так называемый «Дэвид, первый сын» действительно находился на востоке. Вэро узнал, что сопротивлению удалось взорвать мосты и перекрыть дороги, отрезав весь восточный регион от поставок и поддержки армии.

Кайл жаловался отцу на то, что Дэвиду позволено было казнить представителей властей на площадях. Как-то даже с завистью говорил об этом Кайл, отмечал Вэро, словно сам хотел делать то же. Дэвид вербовал отчаявшихся, обещая кровь за кровь, вербовал тех, у кого недавно арестовали близких и родственников, тех, у кого родных увезли без следа. В восточном округе таких людей было не мало.

– Дело пары тройки дней, – завершил узник номер Шесть, – когда восточный регион будет полностью наш.

Кайл слегка поморщился. Шестой это заметил.

– Чем ты недоволен? Зато тебе выпадет часть уничтожить президента вместе со мной. Не стоит завидовать Дэвиду.

После того, как дверь за Лероем-Веро закрылась, узник номер Шесть и Кайл остались одни. Шестой устало потёр глаза.

– Что скажешь? – Кайл откинулся на спинку стула, отодвинув пустую кружку.

Шестой молчал, глядя на закрывшуюся дверь.

– Он втёрся к нам слишком гладко, – Кайл потянулся, хрустнув шеей. – И пахнет от него... полицейским участком.

– Пахнет? – Шестой повернулся к нему. В полумраке глаза его блеснули. – Ты прямо как ишейка.

– Я химера, — Кайл усмехнулся, — и я чую неладное. Знал я подобных лихачей... В прошлом.

Шестой перевёл взгляд на потолок, где в щелях дрожали тени от свечей.

– А вот мое прошлое меня научило одному: вера способна на многое.

– И ты ему веришь? – Кайл подался вперёд, положив локти на стол.

– Я верю себе и своей цели. Всё остальное — сопутствующее.

Кайл присвистнул сквозь зубы.

– Значит, берём его в Нотосбург?

Шестой поднялся, опираясь на стол костлявыми пальцами.

– Берём. Я чувствую, парниша пригодится.

Он направился к двери, но на пороге остановился и не оборачиваясь, добавил:

– Нам всем необходимо выспаться, сын. Впереди тяжёлая дорога.

Дверь закрылась. Кайл остался сидеть, глядя на пустую кружку и тихонько покачиваясь на стуле.

– Впереди дорога, осталось немного... — повторил он шёпотом, усмехнувшись чему-то своему.

В следующую секунду он грохнул всеми четырьмя ножками стула об пол и потянулся за новой порцией выпивки.

Той же ночью Шестой сидел один в своей комнате. Он не спал. Он почти никогда не спал, а если и засыпал, то видел перед глазами пламя.

Акт второй

Учитель всегда был строг. Особенно ко мне. Я опасался его гнева, но, несмотря на страх, продолжал упорно ходить на каждое занятие. Я был там, потому что там был он. Мой брат. Я хотел быть лучше, это было мое самое жгучее желание, но не быть хуже – это был необходимый минимум для выживания.

Мне было пять, ему – семь. В этом возрасте я впервые осознал, что чужой в этой семье. А какая это была семья!

Полная, образцовая, идеальная. Отец – генерал, начинающий политическую деятельность, мать – красивая домохозяйка. В доме – прислуга, охрана, огромный сад с беседкой. Красивая картинка. Изнутри же – ад. Для меня каждый день был мучительно долгим. Я хотел бы любить брата, страстно этого желал в начале, но он не позволил мне.

Вскоре я свылся с тем, что он в лучшем случае игнорирует меня. В худшем – что ж, я привык к синякам.

Отец. Ни разу за мою недолгую жизнь он не встал на мою сторону. Я боялся его. Он был жестким, всегда угрюмым, злым. Генерал Мэдлтон. Только обнимая старшего сына (не меня, нет) его глаза немного теплели. Как я ненавидел Микаэлиса в те моменты! Они с отцом были в одной команде. Я принят не был.

Мама. Она старалась держать нейтралитет. Мне кажется, она тоже боялась отца. Всегда молчаливая. Никогда не скажет ни слова против. Я знал, она любит меня. Порой она нежно проводила рукой по моим волосам, вечером, когда думала, что я уже сплю. Но я ждал этих моментов, и я хранил в памяти их все. Редкое проявление любви. Слишком редкое в моей жизни.

Мне восемь. Учитель проходит мимо, отвлекая меня от раздумий. Микаэлис сидит рядом, погруженный в чтение книги. Я тоже читаю. Учитель любит задавать вопросы. Мы должны, не теряя смысл прочитанного, отвечать на них.

– Столица северного округа, Микаэлис?

– Город Вбрасбург, второй по размерам город после столицы.

– Именно. Город, где мы живем. Чем наш округ отличается от остальных?

– Исторически здесь больше военных частей и закрытых военных городов. Именно из северного вышли все самые известные политики, включая и нашего президента, – чеканил Микаэлис.

– Холодный климат, суровые зимы, – договорил учитель, – теперь ты. Столица южного округа?

«Ты» – это он мне. Я давно привык, что по имени меня не зовут.

– Нотосбург, главный город южного округа, также носит звание города миллионеров, – мой голос слегка хрипнет. Вновь холодеет внутри. Если учитель будет недоволен, то отец снова накажет. А учитель недоволен мной всегда.

– Отличительные черты округа? – учитель встал напротив меня. Я, продолжая читать, отвечаю:

– Славится плодородными полями, прекрасным побережьем. Самая богатая область, после центральной.

– Побережье какого моря?

– Море Ноэлани, – чеканю я, – название переводят как «небесный туман».

Учитель отходит, и я выдыхаю внутренне. Перечитываю последний абзац. Сердце колотится. Не понял прочитанное. А ведь он спросит.

– Был я в Нотосбурге, прекрасный город, – это учитель говорит Микаэлису, и голос его теплеет, – В городах подобных ему, улицы горят электрическим светом фонарей, озаряя буль-

вары Театры, магазины дышат роскошью. Парки упираются в мосты, перекинувшиеся через реки, словно серебряные нити, сплетающие берега в единое целое.

«Да ты поэт, чтоб тебя», – думаю я и в который раз мечтаю сбежать. Куда угодно, хоть на юг, хоть на луну. Это лучше, чем здесь.

– Микаэлис, что с западом?

– Западный округ известен своими шахтами, заводами, фабриками и передовыми технологиями. Областной центр располагается в городе Дисаполь.

– Прекрасно. Именно там недавно появилась первая машина на электрическом двигателе. Когда-нибудь они заменят конный транспорт. Прогресс не стоит на месте. Восток, Микаэлис?

– Областной центр – город Анатоли. Он должен был стать городом «возможностей», объединяющий в себе лучшие черты трех округов.

– Верно, – учитель рассказывает между нашими столами, и я завидую, ведь хвалят вновь его, а не меня.

– Однако, не стал, – учитель вынул книгу у меня из рук и продолжил, – Покамест, Анатоли успешно объединяет в себе лишь неудачное. ЦОГА все еще ожидает расцвета восточного округа.

«Ну да, – думаю я, – наверно поэтому восточный получает ничтожные дотации из центра, как правило, в самую последнюю очередь».

Учитель продолжает, смотря на меня:

– Именно в восточном округе большинство инакомыслящих и тех, кто не находит себе места в других частях страны, обретают пристанище.

Он намекает на что-то? Я не дурак, отнюдь. Мне всего восемь, но я уловил ассоциацию.

– *Suum cuique* – произносит учитель, отходя от меня.

Он прав. «Каждому свое». Хороший принцип, многое говорит о справедливости.

Я получил неплохое образование. Чего только стоят бесчисленные фразы на мертвом языке. Зачем он вдалбливал их в нас? Фразы эти осели в моей голове, словно семена редких трав, что не взошли в полную силу, но пустили тонкие корни в почву памяти.

Память. Воспоминания. Когда моя жизнь стала такой безрадостной? Я мог бы дать ответ.

Я всегда знал, что брат меня не любит, как и отец. Мать – спасибо за ее редкие порывы нежности. Мы словно были разделены: отец и Микаэлис, мать и я. Суровые и деспотичные они. Тихие, запуганные мы.

В этой странной нелюбви, причины которой я пока не мог понять, мне казалось, я вспоминал порой, как брат играл со мной, а отец катал на шее. Такие странные воспоминания, были ли они реальны? Я не знаю, но мне кажется в самом начале всё было иначе. Мне кажется, я помню, как улыбался мне брат, и отец.

Вскоре я узнал причину. Любовь к книгам подвела меня или любопытство. Нет уже разницы. Я много раз видел, как мама зачитывалась одной толстенной книжкой. Необычным было то, как менялось ее лицо, когда она ее открывала. Мне было интересно, что так меняло ее, но я никогда не видел эту книгу где-либо, кроме ее рук. Где она хранила ее? Лучше мне было не знать. Но я выведал. Искал эту книгу как сокровище. Нашел. Внутри было несколько сложенных писем. Прочитав их, я обрел знание, стоившее мне слишком дорого. Лицо ее менялось потому, что она читала письма. Любовные письма, полные тоски и боли. Письма не от отца.

Гриффин, я узнал его по подчёрку. Личный телохранитель отца. Всегда с ним или с нами. Гриффин должен был защищать нас, но он явно делал больше.

Я молчал две недели. Вообще перестал говорить. Боялся что-то сказать, обдумывая, что последует за моими словами.

Стал замечать многое: взгляды матери, взгляды Гриффина. Я был посвящен в тайну слишком опасную и слишком интимную.

Мама не выдержала первая. Однажды, когда генерал был на сборах в столице, она пришла ко мне и рассказала всё. Я не просил, но слова текли из нее, словно полноводные реки после таянья снегов. Я знал, она сделала это ради себя. Ей нужно было выговориться. А мне? Что было мне делать с ее признанием?

«Мы ошиблись с Гриффином, один лишь раз и всю жизнь жалею об этой ошибке. Всю жизнь мы скрываем чувства, потому что не можем, не должны любить друг друга Эти несколько писем – все, что осталось у меня от него. Почти всё» – так говорила она. Чуть позже я понял смысл слова «почти».

Мне почти девять. Одним осенним вечером отец наказал меня очень сурово. Не помню даже за что, возможно, за то, что я вновь был в синяках. Микаэлис с друзьями любили издеваться. Зато помню, как в тот вечер бились деревья о стекло в моей комнате. Я тогда сидел у себя. Помню четко, мать решила успокоить меня. Принесла лёд. Помню, как я сорвался. Кинул лёд ей со словами, что все из-за нее. Я был просто зол на жизнь. Не на нее, но я не мог остановиться. Мать молчала. Я сказал что-то про Гриффина, и она замерла. Потом подошла к двери и плотнее заперла ее.

– Не говори ничего о нем, – прошептала она, – Гриффин, он ведь твой

Она остановилась. Потом подошла ко мне и обняла. Я тяжело дышал и потом, немного успокоившись, спросил, уткнувшись в ее шею:

– Почему они ненавидят меня? Отец, Микаэлис?

– Твой отец любит тебя.

Я вспоминал эти ее слова много раз: «Отец любит тебя». Но генерал ненавидел меня. А значит... Спустя пару дней я подошел к ней вечером и спросил:

– Мама, Гриффин – мой отец?

Это была догадка, и я хотел бы, чтобы она опровергла ее. Я чувствовал. Я все понял. Она вздрогнула и так посмотрела. Как она посмотрела на меня!

Гриффин – мой отец.

Каждая новая правда, открывшаяся мне, приносила все больше вопросов. Все больше сомнений. Генерал Мэдлтон и его родной сын Микаэлис. А второй, я – бастард. И от кого? От его же телохранителя. Вот та ошибка, вот то, чего они боялись всю жизнь, вот то, что скрывали. Письма – почти всё, что у нее осталось. Письма и я.

Мать уверяла меня, что никто ничего не знает. Может и так, но они чувствовали – это точно. Как генерал Мэдлтон, так и мой брат, кожей чувствовали, что я другой.

Гриффин. Знал ли он сам, кто я? Сейчас я думаю, что да. Может, не сразу, а может, и с самого начала. Он был человеком армии. Он пожертвовал ради карьеры всем. Вскоре Гриффин стал странно смотреть на меня. С сочувствием.

Однажды, мне было около десяти, я вернулся со школы, а мать была вся в синяках. Дом замер в молчании. Я понял – генерал узнал. Липкий страх сковал меня. Не спал всю ночь. Со мной не разговаривал никто. Это хуже пыток. Я маялся в безызначности. Что будет с мамой? Что будет с Гриффином? Что будет со мной?

Генерал Мэдлтон решил оставить все как есть. Когда дни сложились в недели, я понял, что он ничего не меняет. Образ идеальной семьи был для него слишком дорог. Он тогда начал карьеру в политике. Развод, сын – бастард, – это все похоронило бы его. С тех пор я спустился на последний круг ада.

Все всё знали. Все оставались на прежних местах и играли свои роли. Мать напоминала собственную тень. Генерал строил карьеру, а когда был дома, то ледяными приказами общался с женой, продолжал лелеять Микаэлиса, игнорировал меня и работал с Гриффином.

Я думаю, что Микаэлис узнал все от отца. И если раньше брат не любил меня, то теперь просто ненавидел. Но мы должны были быть все время вместе. Рядом. Его издевательства стали

изошреннее. Каждый день он придумывал для меня новую пытку. Отец дал ему индульгенцию на все. Он мог делать что угодно. Единственное условие – чтобы я был жив. И то, не факт.

Полгода ада. Однажды я пришел к тени своей матери и тихо произнес:

– Давай уйдем?

Она ничего не ответила мне. Ничего.

В этом аду лучом надежды стал Гриффин. Он видел, как мне жилось. Он стал говорить со мной. Сначала совсем немного, потом чаще. Если он видел, как меня избивает Микаэлис с друзьями, вмешивался. Я был рад хоть какому-то участию. И я ненавидел его. Однажды я спросил:

– Гриффин, почему ты не уйдешь? Взял бы мать, меня, и мы бы просто ушли из этого дома.

Он чуть улыбнулся:

– Я не могу уйти.

– Почему? – не унимался я.

– Я дал присягу. Дал клятву.

– Как ты можешь? Ты же защищаешь его! Того, кого ненавидишь!

– Это моя работа, – он потрепал меня по волосам, а я смахнул его руку, – моя служба – это вся моя жизнь. Если я уйду – то стану дезертиром. Генерал Мэдлтон – мой командир. Я обязан выполнять все его приказы.

– Но это глупо!

– Это государственная армия. Я предан ей до конца жизни, или я предатель. Иного не дано.

Мы много раз говорили об этом. Как бы тяжело мне не было, он всегда повторял одно: «Это моя работа», «Я выполняю приказы», «Я предан данной клятве».

Он нравился мне, Гриффин. Он был утешением. И в то же время, я презирал его. Работа, армия, долг – все эти слова стали мне ненавистны. Все эти слова были выше, важнее меня.

Гриффин старался мне помочь. Он же и дал мне первую книгу по алхимии. Он сказал: «Попробуй. Если хватит мозгов и если у тебя есть способности, то это твой билет на свободу. Эта семья не отпустит тебя. А вот если ты обладаешь даром к алхимии, то иного выхода, как отправить тебя в академию, у них не будет».

Я проглатывал книгу за книгой. Теория давалась мне без труда. Практика Что ж, скоро я возненавидел сам себя. Я рисовал круги каждый день, они снились мне в кошмарах, но не мог произвести ни одного преобразования. Видимо, не судьба. Нет во мне этого чертова дара.

Мне одиннадцать. Я лелеял надежду на побег. В книгах я прочел, что способности к алхимии чаще всего проявляются в возрасте созревания. С десяти до шестнадцати, именно в этот период. У меня было еще пять лет. Я не терял надежды.

Живя в аду, ты либо погибаешь, либо сам становишься дьяволом. В двенадцать лет я погиб.

Это было зимой. Микаэлис с дружкой пошли на пруд. Они хотели повзрывать лед. К пруду надо было идти через небольшой лесопарк. Я читал книги у себя, как и всегда. Они ворвались ко мне в комнату и заставили идти с ними. Майклу было уже четырнадцать, его дружке тоже. Они были сильные, уверенные в своей безнаказанности. Я же походил скорее на десятилетку. Я знал, за эти годы понял, что быстрее и легче – сделать, как они хотят. Иначе можно лежать с отбитыми почками несколько недель. А я должен быть здоров, на сколько это возможно. Алхимия требует сил.

Я поплелся за ними. Они свалили на меня весь реквизит. Спустя полчаса мы уже шли через лесок. Я тащил сумку с какими-то вещами, взрывными самодельными бомбами и еще хрен знает с чем.

Зимний лес – вот молчаливый свидетель моей смерти. Трое парней во главе с Микаэлисом ломались через сугробы к замёрзшему пруду. За ними, отставая, брел я – худой, сторбленный, с глазами, привыкшими смотреть в землю.

Они не разговаривали – только перебрасывались короткими, ядовитыми репликами. Один из них пнул подвернувшийся сук. Второй, замедлившись и оказавшись сзади, пнул в спину меня.

– Живей, шестерка.

Да, именно так они звали меня. Я – их шестерка. Это Микаэлис придумал. Мне казалось, он и имя мое забыл. Микаэлис смотрел, ухмыляясь. Ему достаточно было знать, что он часть этого.

У пруда лёд играл бликами. Один из парней попробовал его носком ботинка. Потом сделал пару шагов и после этого послышался тихий треск. Зима в том году выдалась непривычно мягкая.

– Ну что, шестерка, бери бомбу и тащи ее в середину пруда, – бросил тот, не глядя на меня.

– А сам-то, ссышь? – Микаэлис смеялся.

– Не хочу мочить новые ботинки. Шестерка нам зачем?

Кидаю сумку на землю. «Я легкий. Лед выдержит». Я привык себя успокаивать.

– Какую? – спросил я и взял один из взрывателей.

– Вон ту бери.

Подожел к краю пруда. Сделал шаг. Тишина. Только их смешки за спиной.

– Живей, шестерка! – скомандовал Микаэлис и его голос был так похож на голос генерала. Ненавижу.

– Не ссы. Там не глубоко.

– Только холодно, – опять смеялись они.

Я отдалился и лед казался стабильным. Еще один шаг. Я почти на месте.

Я положил бомбу на лед и в тот момент послышался треск. Лед сломался подо мной. Черная ледяная вода хватала за ноги. Я цеплялся за кромку, но пальцы скользили по острому краю. Я молчал, карабкался, но все равно ушел под воду. Глубоко. Может это я был мелкий, но только когда я оказался под обжигающе холодной водой, мои ноги нащупали дно.

Парни на берегу замерли, а после разразились хохотом. Один швырнул снежок в мою сторону. Микаэлис молчал. Когда я показался над водой, сразу увидел его. Что-то странное промелькнуло на его лице. Мне показалось, на мгновение, что он ждал, что я попрошу помощи. Я молчал. Первый шок прошел. Холод уже не жег. Я выбрался. Он резко повернулся и пошел прочь. Не уверен, но мне кажется, я слышал его пожелание замерзнуть мне в этом лесу. Остальные последовали за ним. Я остался один.

Тяжело упал на берег. Дыхание пришло в норму. Одежда мгновенно превратилась в ледяной панцирь. Необходимо было идти. Собрав все силы, я встал. Преодолеть парк. И как на зло – никого.

Я брел и уже не чувствовал ни пальцев ног, ни своих рук. Меня трясло. Этот небольшой парк казался мне огромным лесом. Каждый шаг – как через наждак. Ветер резал кожу, дыхание стало рваным, хриплым. В голове гудело, а в глазах стоял туман.

Я и не заметил, как упал. Мне вдруг стало так тепло. И очень захотелось спать. Тишина поглощала мое дыхание. Ничего не болело. Я знал, если засну – мне конец. Я обернулся. Чего мне это стоило! Я лежал у куста вереска. Взял отломанную ветку. Нарисовал на снегу круг. Никогда не выходило. Способностей нет. Но я уже плохо соображал. Круг преобразования пламени. Огонь. Теплый. Вот что мне бы пригодилось. Моё сознание путалось. Вот бы согреться у огня. Тепло Когда она гладила мои волосы, ее руки были теплыми

Тьма поглотила меня.

Я не знаю, но мне кажется, я умер тогда. И в тот момент родился вновь.

Сначала я услышал звук. Потрескивание. Потом ощутил тепло. Разлепив тяжелые веки, увидел вспышки пламени. Когда ясность сознания вернулась ко мне, я понял, что нахожусь на том же месте, в середине выгоревшей земли, а вокруг меня полыхает кольцо пламени. Куст вереска за спиной тоже окутывали языки огня. Пламя! Я вызвал пламя!

С тех пор я стал другим.

Вернувшись домой, я ничего никому не сказал. Микаэлис, ожидаемо, молчал, только кидал взгляды, полные ненависти.

Я рисовал круги, и у меня получалось. Сначала с трудом. Потом лучше.

Мне было не просто. Единственное, что выходило просто – так это вызов огня. С ним у меня проблем не было.

Я рассказал Гриффину первым. Я видел, как он был рад. Он хотел, чтобы я вырвался отсюда. Он доложил генералу. Тот, как мне показалось, тоже вздохнул с облегчением. Наконец появилась возможность избавиться от меня, не навредив собственной репутации. Алхимики всегда учились отдельно. Мать молчала.

До моего отъезда оставалось пара дней, и Микаэлис, видимо, поняв, что я наконец освобождаюсь от его тирании, решил устроить мне проводы. Это случилось на заднем дворе дома.

– Думаешь, ты теперь крутой, раз алхимик? – зло выплюнул он, задев меня за плечо.

Я остановился и посмотрел на него.

– Ты все та же шестерка! – бросил он.

– Не смей называть меня шестеркой, – слова вылетели сами собой.

– Что ты сказал? – он подошёл и опустил тяжелую руку на мою шею, сжал ее, и лицо его оказалось так близко к моему.

– Стал слишком смелый?

– Отвали, Микаэлис!

– Вот даже так? – он усмехнулся, и рука сильнее сжала мою шею. – Да будь ты хоть кем, для меня ты навсегда останешься шестеркой!

Он оттолкнул меня. Я упал на землю.

– Не смей меня так называть! – процедил я тихо, но уверенно. – Я твой брат!

Глаза Микаэлиса налились кровью. Он сделал пару шагов и прошипел:

– Ты никогда не был моим братом, шестерка. Ты – ошибка. Бастард. Сын слуги.

– Прекрати!

– Сын шлюхи!

Я вскочил:

– Тогда и ты ее сын!

Я был готов убить его сейчас. Но он вдруг рассмеялся.

– Это меня и бесит, шестерка. Это и бесит.

Он отвернулся, собираясь уйти. Во мне бурлила ярость.

– Стой! – крикнул я. – Мы не закончили!

– Я закончил с тобой, шестерка.

Жар наполнил меня без остатка. Взорвать весь мир, спалить Микаэлиса – вот то, что я желал с неистовой силой.

– Ненавижу!

С этим моим воплем воздух пронзило кольцо пламени. Оно сожгло все. Я чувствовал себя этим пламенем. Я был им. Я горел, сжигая все вокруг.

Опав на колени, я увидел вдали фигуру Микаэлиса. Я поднялся и медленно подошел. На выжженной земле лежал он. Я видел – жив, без сознания. Он закрыл лицо руками, и те были опалены, как и вся верхняя часть тела. К нам уже бежал Гриффин. Он так посмотрел на меня тогда. Я повернулся и пошел прочь.

Микаэлис выжил. Ожоги были серьезными, но он не погиб. А я Я понял, что могу преобразовывать без круга. Я вызвал пламя. Его оказалось недостаточно в первый раз, но я чувствовал, что это только начало.

Лишь в академии я узнал, что могу нарушать законы алхимии. Я скрывал это. Учился отлично. Годы учебы были самыми счастливыми в моей жизни. Никого семьи я не видел. Никто меня не навещал. Только Гриффин.

Я верил ему. Мне казалось, он мой человек. Наверное, я даже любил его. Про себя стал звать его отцом. Мы много говорили. Я доверил ему свой секрет. Он радовался моим успехам. Я был лучшим на курсе. Счастье. Это лишь сон. Счастье – яд, отравляющий душу.

В год выпуска меня арестовали. Потом, уже сидя в камере, с ошейником Коэна на шее, я понял почему. Гриффин. Он приходил ко мне не просто так. Он докладывал генералу всё. И когда он понял, на что я становлюсь способен, он сдал меня. Выполнил долг.

В камере я провел несколько лет. И знаете, какое имя мне дали? Верно. Узник номер Шесть. Тонко, братец, тонко. Ненавижу.

В камере я узнал о том, что мой брат выбран новым президентом. После этого меня перевели в закрытую гос. лабораторию. Я понял – теперь мне конец. Братишка на троне. Он навещал меня пару раз. В самом начале. Первый раз чтобы сообщить, что мать умерла. Воспоминания о ее теплых руках еще жили в моей памяти. Но вскоре и они были стерты второй новостью от Микаэлиса. Он казнил Гриффина. Теперь я остался один. Вот так, отец, обошлась с тобой твоя служба. «Это моя работа» звучали его слова в моей голове «Это мой долг». «Присяга».

В лаборатории они стали ставить эксперименты. Подопытный номер Шесть.

Мысль, что я убью Микаэлиса своими руками, поддерживала меня. Я смог вытерпеть достаточное количество боли. Вся жизнь моя – боль. Любыми средствами, per fas et nefas, любыми путями: не важно, кем и чем я пожертвую, но я убью тебя, братец. Спалю тебя заживо.

Эта мысль – моя альфа и омега. Я сбежал. Пять лет, и я возродил «сопротивление». Я создал Девида и Кайла. Теперь у меня есть семья. И я иду за тобой, братец. Я иду за тобой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.